УДК 343.41
doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

«Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки

В. Г. Романовский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vlad93@sura.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Понятие «грязной войны» стало активно использоваться в странах Латинской Америки во второй половине XX в. для определения гражданского конфликта. Этот термин получил последующее распространение и в других странах при характеристиках боевых действий полицейских сил, в рамках которых используются чрезвычайные полномочия, значительным образом ограничивающие основные права человека. Такие нарушения исследовались в зарубежной доктрине. Они также стали предметом рассмотрения Межамериканского суда по правам человека. Это актуализировало исследования, посвященные государственному терроризму. Сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы в российской юридической науке. Цель работы – провести сравнительно-правовое исследование зарубежной доктрины и решений Межамериканского суда по правам человека, посвященных признакам «грязной войны» и последствиям государственного терроризма для порядка соблюдения прав человека. *Материалы и методы.* Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных проблемам защиты прав человека. В качестве метода исследования в первую очередь был использован сравнительно-правовой, позволивший исследовать понятие государственного терроризма и его последствия при внедрении теории «грязной войны». *Результаты.* Представлен общий вывод об использовании в современном мире чрезвычайных репрессивных мер для подавления политических оппонентов и выхода из жесткого гражданского противостояния. В этом случае борьба с террором осуществляется на основе практики устрашения, когда сами правоохранительные органы используют террористические методы при оказании противодействия радикальным организациям. *Выводы.* В статье выделены общие выводы, сформулированные в решениях Межамериканского суда по правам человека, направленные на предотвращение «грязных войн» в будущем. Между тем доктрина государственного терроризма не находит своего международного признания, поскольку многие страны опасаются обвинений в следовании такому курсу в условиях борьбы с терроризмом (как внутренним, так и внешним).

Ключевые слова: террор, государственный терроризм, «грязная война», Межамериканский суд по правам человека, Аргентина, Перу, права человека, чрезвычайное законодательство

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Для цитирования: Романовский В. Г. «Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 32–46. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

© Романовский В. Г., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

“Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America

V.G. Romanovskiy

Penza State University, Penza, Russia

vlad93@sura.ru

Abstract. *Background.* The concept of “dirty war” began to be actively used in Latin America in the second half of the 20th century to define civil conflict. This term was later spread in other countries in the characteristics of the military operations of the police forces, within which emergency powers are used, which significantly restrict fundamental human rights. Such violations have been investigated in foreign doctrine. They also became the subject of the Inter-American Court of Human Rights. This has updated the research on state terrorism. The formulated conclusions and recommendations can be used in Russian legal science. The puspose of the research is to carry out comparative law research of foreign doctrines and decisions of the Inter-American Court of Human Rights dedicated to signs of “dirty war” and the consequences of state terrorism for about human rights. *Materials and methods.* The research problems were solved thankfull to the scientific analysis of a wide range of sources devoted to the problems of protecting human rights. As a research method, in the first place, the comparative legal method was used, which made it possible to study the concept of state terrorism and its consequences when introducing the theory of “dirty war”. *Results.* The general conclusion about the use of extraordinary repressive measures in the modern world to suppress political opponents and get out of tough civil confrontation is presented. In this case, the fight against terror is carried out on the basis of the practice of intimidation, when the law enforcement agencies themselves use terrorist methods in countering radical organizations. *Conclusions.* The article highlights the general conclusions formulated in the decisions of the Inter-American Court of Human Rights, aimed at preventing “dirty wars” in the future. Meanwhile, the doctrine of state terrorism does not find its international recognition, since many countries fear accusations of following this course in the context of the fight against terrorism (both internal and external).

Keywords: terror, state terrorism, “dirty war”, Inter-American Court of Human Rights, Argentina, Peru, human rights, emergency legislation

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR within the research project No. 20-011-00096.

For citation: Romanovskiy V.G. “Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1:32–46. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

Понятие государственного террора стало первичным для характеристики общего явления терроризма. Изначально Тит Ливий определял государственную политику тотального устрашения специальным термином “terror”, переводимым на русский язык как «страх и ужас». На вооружение его приняли французские революционеры, благодаря деятельности которых террор вошел в политическую лексику. Габриель Бонно де Мабли (один из идеологов Французской революции) считал, что только гражданская война способна вернуть гражданам свободу [1]. Гракх Бабеф, Максимилиан Робеспьер, Марат – эти имена тесно связаны с политикой тотального уничтожения политических противников.

Связка террора с деятельностью французских революционеров прослеживалась в дореволюционной русской юридической литературе. Н. М. Коркунов указывал на якобинцев как главных представителей крайней формы деспотизма, обеспечиваемой террором и рабством [2]. Такой же точки зрения придерживался М. Н. Петров [3]. Н. А. Гредескул подобные выводы применял к деятельности должностных лиц Российской империи в период Революции 1905–1907 гг. В его оценках именно государство абсолютизма идет на политический террор, чтобы подавить революционную борьбу с всевластием. Революционный террор, по мнению Н. А. Гредескула, лишь ответная реакция [4, с. 30]. Взвешенная позиция высказана И. Малиновским, представившим деление террора на революционный и правительственный (выражающийся в политических репрессиях) [5]. В. Герье осуждает как революционный, так правительственный («ответный») террор (его правовой формой выступают чрезвычайные законы) [6, с. 321–331].

Молодая советская республика провозгласила красный террор как официальную политику в отношении своих идеологических противников, средством установления диктатуры пролетариата, что нашло отражение в Постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» (благодаря которому ВЧК получила право на бессудный расстрел). После его отмены уголовное законодательство Советской Республики не акцентировало внимание на террористическом акте как самостоятельном уголовном преступлении. Он «растворялся» во всеобъемлющем понятии контрреволюционного преступления. Террор всегда оценивался как признак организованной деятельности, что не могло признаваться страной победившего социализма, постоянно подчеркивающей в своих программных документах строительство нового подлинно свободного общества. Только к 80-гг. прошлого столетия терроризм возвращается в научную повестку советской юридической науки, но с определенными особенностями – с приставкой «государственный». У. Р. Латыпов рассматривал базовые международные документы в сфере борьбы с государственным терроризмом [7]. В. И. Блищенко провел классификацию государственного терроризма на внешний (направленный на другое государство) и внутренний (против собственных граждан) [8], установив соотношение с понятием агрессии. Примечательно, что внутренний государственный терроризм, по мнению В. И. Блищенко, должен попадать под действие норм международного права (с указанием на основания такого вывода, а в качестве примера – на режим Пиночета в Чили). Махмуд Аль-Абд Сакер в 1990 г. анализировал акты государственного терроризма Израиля в отношении арабских стран, обвиняя в соучастии США, в форме военно-экономической поддержки [9].

Несмотря на разработку в Советском Союзе понятия государственного терроризма с указанием на необходимость международно-правовой борьбы с этим явлением, сама доктрина не нашла своей поддержки в международном сообществе. Практически единственным актом можно признать Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1984 г. 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». В Резолюции содержится общий посыл о недопустимости разрешения международно-правовых проблем с помощью силы и оказания вооруженного давления, осуждается политика и практика терроризма

в межгосударственных отношениях как метод ведения дел с другими государствами и народами. При этом признаки государственного терроризма (даже в общих чертах) в документе не содержатся. Здесь следует уточнить: во-первых, резолюция Генеральной Ассамблеи носит рекомендательный характер; во-вторых, долгое время любые упоминания в международных актах о терроризме не приветствовались странами Западной демократии. Их позиция основывалась на том, что борьба с терроризмом многими странами обозначалась как предлог для нейтрализации политических противников. Даже юридическая формализация терроризма оценивалась как возможность вовлечения уголовно-правового института в политическую борьбу, что было бы «подарком» для недемократических режимов. Ситуация в риторике изменилась после 11 сентября 2001 г.

Использование правления чилийской хунты в качестве примера государственного террора (как это можно найти в диссертации В. И. Блищенко) можно назвать показательным. Во многих странах Латинской Америки вся вторая половина XX в. прошла под символом военного режима, отказа от многих демократических ценностей и политики устрашения в отношении своих политических оппонентов. В Аргентине был выработан специальный термин – «грязная война» (la guerra Sucia), которым характеризовалась деятельность военной хунты в период с 1976 по 1983 г. Несколько слов о природе конфликта. К этому времени социальные противоречия в Аргентине были максимально обострены. С одной стороны, движения левацкого толка похищали бизнесменов и убивали военных, полицейских, обкладывали данью крестьян, собирая таким образом средства на борьбу с капитализмом; с другой – «эскадроны смерти» (Аргентинский антикоммунистический альянс) появились еще при «гражданском» правительстве до захвата власти военной хунтой, полицейские операции отличались жестокостью и беззаконием, а репрессии касались профсоюзных лидеров рабочих организаций ведущих промышленных корпораций (Рено, Форд, Фиат и др.). Приход к власти трех офицеров высшего звена (генералов О. Агости и Х. Видела, адмирала Э. Э. Массера) первоначально воспринимался как долгожданный переход к спокойствию и порядку. Накануне переворота Э. Э. Массера в беседе с послом США в Аргентине заявил, что новая власть не будет себя вести как Пиночет в Чили, предпримет все меры к соблюдению прав человека [10].

Однако практически сразу был взят курс на подавление гражданских свобод, уничтожение политических противников, ликвидацию профсоюзов, введение чрезвычайных законов, создание специального репрессивного органа (PEN – Poder Ejecutivo Nacional, дословный перевод – Национальная исполнительная власть). За основу была взята тактика detenidos – desaparecidos – «задержан – пропал без вести». По общим подсчетам более 22 тыс. человек по настоящее время числятся как «исчезнувшие». При этом PEN занималась похищением не только граждан собственной страны, жертвами оказывались граждане США, западноевропейских стран, соседних латиноамериканских. Военная хунта рухнула в силу нарастания социальных противоречий и экономического кризиса. Завершающим эпизодом стало поражение в Фолклендской войне от Великобритании, когда США поддержали своего союзника по НАТО.

Термин «грязная война» стал использоваться представителями военной хунты для обоснования своего поведения в условиях гражданского конфликта. Он указывал, что все стороны не следуют гуманитарным правилам. Х. Видела (в военном училище за его гибкое тело ему дали прозвище «Розовая пантера») до конца своей жизни отстаивал свою правоту, утверждая, что велась Третья мировая война против коммунизма, когда весь мир спал. Еще в 1975 г. он открыто заявил: «В Аргентине должно умереть столько людей, сколько необходимо, чтобы страна снова была в безопасности». Даже в суде по обвинению в принудительном отъеме малолетних детей от матерей-социалисток и их передаче в другие семьи Х. Видела заявил: «Все те, кто рожали, были активными боевиками в машине террора. Они использовали своих детей как живые щиты» [11].

Ответной реакцией на череду военных хунт стало принятие Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них (1985). Можно предположить, что следствием подобных событий стало вступление в силу Американской конвенции о правах человека, принятой в 1969 г., но вступившей в силу в 1978 г. Содержание Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них во многом идентично Конвенции ООН, но включает расширительное толкование понятия пытки: «Под пытками также следует понимать применение в отношении лица методов, направленных на разрушение личности жертвы или снижение ее физических или умственных способностей, даже если такие методы не причиняют физической боли или психических страданий». Конвенция допускает возможность экстрадиции лиц, обвиняемых в пытках. Столь поздний срок вступления в силу указанных конвенций обусловил отсутствие принятых решений Межамериканского суда по правам человека по жалобам против Аргентины. Только в решении по делу «Баярри против Аргентины» (2008) [12] представлена ссылка на «грязную войну», развязанную военной хунтой и продолжавшуюся достаточно длительное время (с середины 70-х гг. до середины 80-х гг. прошлого столетия). Упоминание не имело отношения к рассматриваемой фактологии, а касалось лишь сохранения «пыточных» традиций в системе правоохранительных органов.

Термин «грязная война» плотно вошел в оборот при характеристике масштабных действий по подавлению гражданских свобод и инакомыслия. Так, это понятие стали использовать при оценке подобных мер под предлогом борьбы с наркоторговлей в Мексике в 50–80-х гг. прошлого столетия [13]. Э. Тиг на основе анализа значительного числа документов пришла к выводу, что американская поддержка правящей партии стала катализатором насилия в указанный период в Мексике [14]. Именно под предлогом борьбы с наркотрафиком были приданы чрезвычайные полномочия полицейским службам и военным, что привело к масштабным нарушениям прав человека [15]. В ряде решений Межамериканский суд по правам человека признал Мексику виновной в нарушении прав человека, подтвердив общую позицию (излагаемую в различных решениях правозащитных инстанций) о возложении обязанности проводить расследование на государство, если заявитель указал, что признание в совершении преступления было сделано в результате пытки. Отсутствие такого расследования презюмирует вину государства. Факт пыток считается доказанным. Данный вывод, в частности, содержится в решении по делу

«Кабрера Гарсия и Монтьель Флорес против Мексики» (2010) [16], по делу «Гарсия Круз и Санчес Сильвестр против Мексики» (2013) [17].

Вызывают интерес правовые позиции Межамериканского суда по правам человека, озвученные в деле «Гонсалес и др. (“Хлопковое дело”) против Мексики» (2009) [18]. В 2001 г. на хлопковом поле в Сьюдад-Хуарес были найдены три женских тела. Судебная инстанция указала, что официальные власти, получив в свое время заявления об исчезновении женщин, не предприняли каких-то активных действий по их поиску и последующему расследованию убийств. При этом была широка известна практика насильственных исчезновений женщин в штате Мексики. Чаще всего они были связаны с принуждением к работе на наркокартели. В 1998 г. в Сьюдад-Хуарес было создано специальное подразделение прокуратуры по расследованию убийств женщин, разработана экспериментальная программа по поиску исчезнувших лиц. Мексика была признана виновной в нарушениях ст. 5 Конвенции (запрет пыток), поскольку не смогла доказать, что принятые меры «были эффективными или достаточными для предотвращения массового насилия против женщин в Сьюдад-Хуарес». Суд признал эти меры неэффективными и способствующими безнаказанности. Государству не удалось доказать, что официальные лица оперативно действовали в первые часы и дни после сообщений об исчезновениях. Государство просто выполнило формальности, записав показания, но не пытаясь найти жертв.

Больше всего решений, согласно которым давалась правовая оценка действиям военной хунты, касалось ситуации в Перу. В 1992 г. действующий Президент Перу Альберто Фухимори провел «само-переворот», свергнув с помощью военных собственное правительство, распустив неконтролируемый его сторонниками парламент. Первоначально инициативы А. Фухимори положительно воспринимались большинством населения (поддержку оказало около 80 % населения). Это связано было с политическим кризисом – неприятием политиков, воспринимавшихся как ставленники перуанского олигархата, – а также с затянувшимся гражданским конфликтом. На территории государства активно вели себя маоистская партизанская организация «Сияющий путь» (“Sendero Luminoso”) и перуанская леворадикальная повстанческая группировка марксистского толка «Революционное движение Тупак Амару» (Movimiento Revolucionario Túpac Amaru – MRTA). Организация «Сияющий путь» открыто провозглашала терроризм как способ продвижения своих идей и метод политического давления. Было убито около 20 тыс. человек, из них значительная часть – государственные служащие, полицейские, военнослужащие. Некоторые районы полностью контролировались данной группировкой. Именно поэтому в 1993 г. А. Фухимори безоговорочно победил на президентских выборах. Нередко последующий период его правления многие политологи называли тоталитаризмом, пришедшим демократическим путем [19]. Гражданский конфликт (также характеризующийся как «грязная война»), который перешел в активную стадию, по общим оценкам унес около 70 тыс. человеческих жизней.

Для осуществления борьбы с леворадикальными группировками было принято соответствующее антитеррористическое законодательство, включавшее в себя отмену процессуальных гарантий в отношении лиц, обвиненных в терроризме и государственной измене. А. Фухимори активно издавал

чрезвычайные указы, позволяющие армии полностью контролировать обеспечение порядка на ряде территорий, подменяя собой гражданские и полицейские службы. Антитеррористическое законодательство (расширившее в первую очередь Закон № 24651, дополнивший Уголовный кодекс Перу разделом «О преступлениях терроризма» [20]) стало включать в себя следующие меры:

– передача судебных функций органам полиции и вооруженных сил. Им были переданы также полномочия по проведению оперативных мероприятий, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, включая обыски, вторжение в жилище, арест, раскрытие банковской тайны;

– определение внесудебного задержания (было введено такое понятие, как «превентивное задержание») как первичного элемента начала разбирательства о причастности к террористической организации (при таком подходе происходили длительные задержания лиц, осуществленные «веерным» методом);

– содержание под стражей без уведомления родственников (связь с внешним миром прекращалась полностью) и вне допуска адвоката, с возможностью перемещения между различными местами содержания;

– введение инквизиционного процесса, где во главу угла становилось признание обвиняемым вины в совершении преступлений, что повлекло за собой доносительство, распространение пыток, отрицание роли адвоката в судебном процессе, введение «закрытых» судей (личности судей были засекречены, не раскрывались их данные для участников процесса);

– минимальность доказательств для признания виновным в терроризме при задержании в зоне боевых действий, вовлечение военных судов в оперативное рассмотрение дел о терроризме в специальных районах;

– основной акцент на репрессивных мерах при отсутствии профилактики преступного поведения, ресоциализации осужденных, выявления причин и его предотвращения;

– особый правовой статус для агентов DINCOTE (Национального управления по борьбе с терроризмом – специального органа полиции по борьбе с терроризмом и государственной изменой). После возвращения страны к демократическим принципам управление было ликвидировано, взамен была создана Контртеррористическая дирекция, подразделение Национальной полиции Перу (Dirección contra el terrorismo – DIRCOTE).

На появление общей тенденции превращения чрезвычайного законодательства в стандартную модель борьбы с терроризмом указывал еще в 1990 г. профессор Перуанского университета В. Сальдарриага [21]. До президентства А. Фухимори был расширен комплекс преступлений террористического характера. Статья 288A УК Перу вводила понятие терроризма, под которым понимался целый ряд общественно опасных деяний (разрушение зданий, дорог, средств связи, транспорта и др.), но при этом цель формулировалась весьма размыто – способно вызвать нарушение общественного спокойствия или «повлияет на международные отношения или безопасности государства». Статья 288C вводила ответственность за пособничество террористическому акту, ст. 288D – за предоставление любой помощи в террористических целях, а ст. 288E криминализировала содействие «любому акту сотрудничества, который способствует совершению» террористических преступлений или

«реализации целей террористической группы». При этом ст. 288E расшифровывала, что могло подпадать под понятие «сотрудничество» – это и предоставление информации о гражданских объектах, предоставление продуктов питания, денег, имущества, оказание любой помощи террористам (включая содействие побегу), любая экономическая помощь и др. При А. Фухимори наличие цели перестало рассматриваться как обязательный признак террористического преступления: наказанию подлежал также и тот, кто не знал, что оказывает содействие террористу (при, например, передаче продуктов питания) [22]. Конституционный Суд Перу, который решил дать правовую оценку вводимым чрезвычайным правилам, был распущен. Интересный факт: Конституционный Суд обратился в Межамериканский суд по правам человека, по его жалобе было принято соответствующее решение [23]. Относительно пыточных практик полицейских служб, подавления инакомыслия и репрессий в отношении мирного населения выступала «Международная амнистия» [24]. Несмотря на раскрутку репрессивного механизма в академической среде Перу, антитеррористические законы имели критическую оценку. Подчеркивалось, что они порождают «культуру чрезвычайных ситуаций», а исключения становятся правилами. Произошла инволюция перуанского уголовного законодательства [25]. Особенностями перуанского законодательства стало создание, по образному выражению ряда ученых, «черных дыр» и «серых дыр», позволяющих трактовать закон исключительно в целях оправдания любых действий спецслужб [26].

Развитие событий по негативному сценарию привело к массовым обращениям в международные правозащитные инстанции. Желание предотвратить возвращение бесчеловечных методов в обычную практику органов власти – одна из целей Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них, и она была реализована в «перуанском кейсе». В решении 1996 г. Межамериканской комиссии по правам человека по делу «Ракель Мехия против Перу» было определено, что изнасилование подпадает под определение пытки. Она не являлась задержанной; был арестован ее муж, который был вывезен в неизвестном направлении и в последующем убит. Будучи беззащитной, Ракель Мехия дважды была изнасилована военнослужащими в ночь задержания мужа. Представители государства отрицали факт сексуального надругательства, но Комиссия в основу положила отчеты правозащитных организаций, указывавших на распространенность насилия в отношении женщин в районах, где было объявлено чрезвычайное положение. Межамериканская комиссия по правам человека проанализировала общие признаки, присущие пытке, указав, что все они имели место в конкретном деле. Во-первых, изнасилование является «физическим и моральным надругательством, совершенным в результате насильственного действия». Во-вторых, насилие в отношении Ракель Мехия был обозначено как наказание за связь с террористом, виновный объявил ей, что «ее имя находится в списке лиц, связанных с терроризмом». В-третьих, насильник был служащим сил безопасности, которого сопровождала группа солдат [27].

В последующем было доказано, что сексуальное надругательство стало обычной практикой агентов DINCOTE, особенно в штаб-квартире в столице Перу – Лиме. Указание на использование такого метода унижения происходило в ряде заявлений международных организаций, начиная с середины

90-х гг. прошлого столетия [28]. Все это обусловило сильное гражданское противостояние.

В решении по делу «Эспиноза Гонсалес против Перу» [29] подробно рассматривались чрезвычайные меры, осуществляемые в Перу под предлогом борьбы с терроризмом. В 1992 г. провозглашается Правительство по чрезвычайным ситуациям и национальному восстановлению, наделенное правом издавать декреты-законы, позволяющие вводить экстраординарные правила, исключающие основные процессуальные гарантии, предъявляемые к процедуре уголовного преследования. Эспиноза Гонсалес (кстати, проходившая обучение в Советском Союзе) была арестована в 1993 г., после чего подверглась пыткам и сексуальному насилию. Ей было предъявлено обвинение в государственной измене в силу причастности к организации – Революционному движению Тупака Амару. Гонсалес была приговорена к пожизненному лишению свободы, отбывала наказание в различных тюрьмах Перу, где неоднократно подвергалась пыткам, вплоть до 2003 г., когда 17 февраля она была оправдана Высшей палатой по уголовным делам Верховного Суда Перу, но это не привело к освобождению. Ей были предъявлены обвинения в терроризме, а в 2004 г. она приговаривается к 25-летнему сроку лишения свободы. Практически сразу после задержания Гонсалес обратилась в правозащитные организации. Государство отрицало факт применения пыток и сексуального насилия, хотя это нашло подтверждение во время детального изучения материалов дела.

В решении по делу «Бальдеон Гарсиа против Перу» (2006) [30] суд установил, что пытки стали обычной практикой военных и полицейских сил страны в период, который стал предметом оценки по конкретной жалобе. В решении подчеркивается: «Существует презумпция того, что государство применяло пытки или жестокое или бесчеловечное обращение, если власти не провели тщательное фактическое расследование фактов с последующим предъявлением обвинения тем, кто был идентифицирован как виновные в таких действиях».

Показательно решение «Лоайза Тамайо против Перу» (1997) [31], в рамках которого государство максимально торпедировало любые инициативы, нацеленные на защиту прав женщины – профессора Университета Сан-Мартин-де-Поррес (г. Лима), бездоказательно обвиненной студентом в участии в организации «Сияющий путь» (как и 20 других человек, проходивших по делу, с целью, по-видимому, освобождения от ответственности). В течение 10 дней после ареста ее пытали, насиловали, чтобы получить признательные показания. Насилие государством отрицалось (как и пытки), а осмотр медэкспертом носил поверхностный характер. К тому же в докладах правозащитных организаций отмечалось, что экспертиза по таким делам всегда отличалась отсутствием объективности. Сами же эксперты участвовали в актах насилия. Л. Тамайо была обвинена в государственной измене, показана по телевидению страны в полосатой робе. В последующем военные суды выносят оправдательные приговоры, несмотря на которые профессор все равно находится в заключении. Более того, инициируется обвинение в терроризме, и в максимально короткие сроки она приговаривается к 20 годам лишения свободы. Межамериканский суд по правам человека в приведенном решении

указывал, что никакое жестокое обращение не может когда-либо быть оправдано независимо от контекста, в том числе усилий по противодействию терроризму. Л. Тамайо по требованию международной инстанции была освобождена, после чего она эмигрировала в Чили. Перу настолько сопротивлялась исполнению требований Межамериканского суда по правам человека, что инициировала денонсацию соглашений о признании его юрисдикции (вручена грамота о немедленном отказе от его полномочий). В окончательном виде решение было исполнено только в 2011 г.

«Перуанские» дела привели к толкованию многих моментов относительно пыточных практик. Только в 2003 г. Конституционный Суд Перу признал ряд положений законодательства о противодействии терроризму неконституционными. С этого момента пошел «обратный отсчет»: возбуждались уголовные дела по фактам злоупотреблений должностным положением. Сам А. Фухимори бежал из страны, в последствии был осужден за коррупционные преступления, экстрадирован в Перу, где и отбывал уголовное наказание.

Термин «грязная война» применяется и к экстраординарным мерам по противодействию наркотрафику, что нашло отражение в решениях Межамериканского суда по правам человека. Выше упоминались такие постановления в отношении Мексики. Полицейские службы Эквадора также были обвинены в применении незаконных методов допроса в отношении граждан, подозреваемых в наркоторговле. Общественное мнение старалось нейтрально относиться к отдельным вскрываемым фактам в силу соседства страны с Перу и Колумбией – крупнейшими производителями и поставщиками коки и кокаина. Этот факт отмечался в решении по делу «Херрера Эспиноза и другие против Эквадора» (2014) [32]. Государство было признано виновным не только в силу выявления самого факта пыток в отношении целого ряда граждан (некоторые из них – иностранцы), но и с учетом отказа в проведении эффективного расследования по заявлениям о применении пыток. В решении подтверждалось: «Пытки имеют место, когда насилие: (1) является умышленным; (2) причиняет серьезные физические или моральные страдания, и; (3) совершено с какой-либо целью».

Также с наркотрафиком связано решение по делу «Тиби против Эквадора» (2004) [33]. Гражданин Франции – Даниэль Давид Тиби (продавец ювелирных изделий и антиквариата) – был обвинен в наркоторговле. Его арестовывают по доносу, подвергают конфискации все его имущество. В последующем ввиду отсутствия прямых улик его постоянно пытают (жгут ноги раскаленными прутьями и сигаретами, ломают ребра битой и топят в бочке), чтобы получить признательные показания, предлагая взамен свободу. Чуть позже на основании судебного приказа Д. Тиби освобождают и он эмигрирует во Францию. Суд указал на целенаправленность пыток – принуждение к самооговору, признав Эквадор виновным в нарушении прав человека.

Подведем итоги. Терроризм, возникнув как элемент целенаправленной государственной политики, в последующем трансформировался в уголовное преступление, вменяемое тем лицам, которые своими действиями подрывают общественное спокойствие и государственную безопасность. Несмотря на уход в иную плоскость, государственный терроризм не изжил себя. По настоящее время можно наблюдать использование чрезвычайных репрессивных

мер для подавления политических оппонентов и выхода из жесткого гражданского противостояния. В этом случае борьба с террором осуществляется на основе практики устрашения, когда сами правоохранительные органы используют террористические методы при оказании противодействия радикальным организациям.

Латиноамериканский опыт второй половины XX в. свидетельствует о перерастании политического противостояния в плоскость вооруженного конфликта немеждународного характера, при котором обе враждующие стороны отказываются от соблюдения гуманитарных принципов. Усиление кризиса приводило лишь к умалению демократической сущности государственных институтов, переходу органов власти в мобилизационный режим, использующий чрезвычайные полномочия. В конечном итоге политический процесс завершался военным переворотом, отменой выборности парламента, введением цензуры, умалением основных прав и свобод, запретом деятельности любых оппозиционных сил (даже если они ставили в качестве цели приход к власти только мирным путем).

Практика Межамериканского суда по правам человека оказала серьезное влияние на оценку деятельности органов государства в период установления военных режимов. Были открыты целые кейсы по жалобам против Перу, Эквадора и других стран, переживавших тоталитарный период своего развития. Между тем доктрина государственного терроризма не находит своего международного признания, поскольку многие страны опасаются обвинений в следовании такому курсу в условиях борьбы с терроризмом (как внутренним, так и внешним).

Список литературы

1. Де Мабли Г. Б. О правах и обязанностях гражданина // Избранные произведения / Г. Б. де Мабли. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 340 с.
2. Коркунов Н. М. История философии права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
3. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. Т. III. История новых веков. Харьков : Издание книжного магазина Д. Н. Полуехтова, 1888. 226 с.
4. Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1912. 34 с.
5. Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1909. 537 с.
6. Герье В. Вторая Государственная Дума. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1907. 379 с.
7. Латыпов У. Р. Международно-правовая борьба с государственным терроризмом : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 1988. 163 с.
8. Блищенко В. И. Международно-правовые проблемы государственного терроризма (на примере Чили) : дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. 170 с.
9. Аль-Абд Сакер Махмуд. Государственный терроризм – международно-правовое преступление : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 1990. 14 с.
10. New declassified details on repression and U.S. Support for military Dictatorship. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB185/
11. Bernstein A. Jorge Rafael Videla, Argentine junta leader, dies at 87 // The Washington Post. 2013. 17 May. URL: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/jorge-rafael-videla-argentine-junta-leader-dies-at-87/2013/05/17/f22ae8d0-2f5c-11e2-a30e-5ca76eeec857_story.html

12. Bayarri v. Argentina. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Bayarri_v_Argentina/acosta_bayarri_v._argentina.pdf
13. Ricart Carlos A. Pérez. Taking the War on Drugs Down South: The Drug Enforcement Administration in Mexico (1973–1980) // The Social History of Alcohol and Drugs. 2020. Vol. 34, № 11. P. 82–113. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/707645
14. Teague A. Mexico's Dirty War on Drugs: Source Control and Dissidence in Drug Enforcement // The Social History of Alcohol and Drugs. 2019. Vol. 33, № 1. P. 63–87. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/702693
15. García J. M. Reconstructing the Collective Memory of Mexico's Dirty War: Ideologization, Clandestine Detention, and Torture // Latin American Perspectives. 2016. Vol. 43, № 6. P. 124–140. URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0094582X16669137
16. Cabrera García and Montiel Flores v. Mexico. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Cabrera_Garcia_and_Montiel_Flores_v_Mexico/Cabrera%20Garc%2B%C2%A1a%20and%20Montiel%20Flores%20v.%20Mexico.pdf
17. García Cruz and Sánchez Silvestre v. Mexico. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Garcia_Cruz_y_Sanchez_Silvestre_v_Mexico/gonzalez_garcia_cruz_and_sanchez_silvestre_v._mexico.pdf
18. González et al. ("Cotton Field") v. Mexico. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Gonzalez_et_al_-Cotton_Field-_v_Mexico/Gonzalez%20et%20al.%20v.%20Mexico.pdf
19. Levitsky S. Fujimori and Post-Party Politics in Peru // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10, № 3. P. 78–92. URL: https://scholar.harvard.edu/levitsky/files/SL_fujimori.pdf
20. Ley № 24651. URL: http://cdn01.pucp.education/idehpucp/wp-content/uploads/2017/07/13163847/ley-n-24651.pdf
21. Saldarriaga V. P. La politica penal de emergencia: Funcion y Efectos // Derecho & Sociedad. 1990. № 2. P. 26–30.
22. Caro Coria D. C. Superacion del pasado a traves del derecho penal? Notas sobre la reforma del Código Penal peruano a diez años de su vigencia // Themis: Revista de Derecho. 2002. № 44. P. 197–214. URL: http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/themis/article/view/10071
23. Caso del Tribunal Constitucional Vs. Perú, Sentencia de 31 de enero de 2001. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_71_esp.pdf
24. Las leyes antiterroristas de Perú siguen sin estar a la altura de las normas internacionales de derechos humanos. URL: https://www.amnesty.org/download/Documents/184000/amr460051994es.pdf
25. Ugaz Sánchez-Moreno J. Libertad, seguridad personal y debido proceso. En Autores varios, La Constitución de 1993: análisis y comentarios. Lima : Konrad Adenauer Stiftung, 1996. 703 p.
26. Vallejos A. S. La lucha antiterrorista en el Perú: agujeros negros legales, agujeros grises y el arduo camino constitucional. Lecciones peruanas para la guerra contra el terrorismo global // Derecho PUCP. 2015. № 75. P. 75–94. URL: http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/derechopucp/article/view/14424
27. Права человека при отправлении правосудия: пособие по правам человека для судей, прокуроров и адвокатов. Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2003. 1086 с.
28. Merits J. Peru. July 20, 2011. URL: https://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/11769FondoEn.pdf
29. Espinoza Gonzáles v. Peru. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/karim_espinoza_gonzales_v._peru.pdf
30. Baldeón García v. Peru. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Baldeon_Garcia_v_Peru/Balde%2B%C2%A6n%20Garc%2B%C2%A1a%20v.%20Peru.pdf

31. Loayza Tamayo v. Peru. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Loayza_Tamayo_v_Peru/Loayza%20Tamayo%20v.%20Peru.pdf
32. Herrera Espinoza et al. v. Ecuador. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Herrera_Espinoza_v_Ecuador/herrera_espinoza_v._ecuador.pdf
33. Tibi v. Ecuador. URL: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/rouche_tibi_v._ecuador.pdf

References

1. De Mabli G.B. On the rights and obligations of a citizen. *Izbrannye proizvedeniya = Selected works*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950:340. (In Russ.)
2. Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava = History of philosophy of law*. Saint-Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1915:502. (In Russ.)
3. Petrov M.N. *Lektsii po vsemirnoy istorii: v 5 t. T. III. Istoriya novykh vekov = Lectures on world history: in 5 volumes. Volume 3. History of new centuries*. Kharkov: Izdanie knizhnogo magazina D. N. Poluekhtova, 1888:226. (In Russ.)
4. Gredeskul N.A. *Terror i okhrana = Terror and security*. Saint-Petersburg: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1912:34. (In Russ.)
5. Malinovskiy I. *Krovavaya mest' i smertnye kazni = Bloody revenge and death penalty*. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1909:537. (In Russ.)
6. Ger'e V. *Vtoraya Gosudarstvennaya Duma = Second State Duma*. Moscow: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1907:379. (In Russ.)
7. Latypov U.R. *Mezhdunarodno-pravovaya bor'ba s gosudarstvennym terrorizmom: dis. kand. yurid. nauk = International legal fight against state terrorism: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences*. Kazan, 1988:163. (In Russ.)
8. Blishchenko V.I. *Mezhdunarodno-pravovye problemy gosudarstvennogo terrorizma (na primere Chili): dis. kand. yurid. nauk = International legal problems of state terrorism (by the example of Chile): dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences*. Moscow, 1989:170. (In Russ.)
9. Al'-Abd Saker Makhmud. *Gosudarstvennyy terrorizm – mezhdunarodno-pravovoe prestuplenie: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.10 = State terrorism is an international crime: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences: 12.00.10*. Moscow, 1990:14. (In Russ.)
10. *New declassified details on repression and U.S. Support for military Dictatorship*. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB185/
11. Bernstein A. Jorge Rafael Videla, Argentine junta leader, dies at 87. *The Washington Post.* 2013. 17 May. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/jorge-rafael-videla-argentine-junta-leader-dies-at-87/2013/05/17/f22ae8d0-2f5c-11e2-a30e-5ca76eeec857_story.html
12. *Bayarri v. Argentina*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Bayarri_v_Argentina/acosta_bayarri_v._argentina.pdf
13. Ricart Carlos A. Pérez. Taking the War on Drugs Down South: The Drug Enforcement Administration in Mexico (1973–1980). *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2020;34(11):82–113. Available at: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/707645
14. Teague A. Mexico's Dirty War on Drugs: Source Control and Dissidence in Drug Enforcement. *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2019;33(1):63–87. Available at: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/702693
15. García J.M. Reconstructing the Collective Memory of Mexico's Dirty War: Ideologization, Clandestine Detention, and Torture. *Latin American Perspectives*. 2016;43(6):124–140. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0094582X16669137

16. *Cabrera García and Montiel Flores v. Mexico*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Cabrera_Garcia_and_Montiel_Flores_v_Mexico/Cabrera%20Garc%2B%C2%A1a%20and%20Montiel%20Flores%20v.%20Mexico.pdf
17. *García Cruz and Sánchez Silvestre v. Mexico*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Garcia_Cruz_y_Sanchez_Silvestre_v_Mexico/gonzalez_garcia_cruz_and_sanchez_silvestre_v._mexico.pdf
18. González et al. *("Cotton Field") v. Mexico*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Gonzalez_et_al_-Cotton_Field-_v_Mexico/Gonzalez%20et%20al.%20v.%20Mexico.pdf
19. Levitsky S. Fujimori and Post-Party Politics in Peru. *Journal of Democracy*. 1999; 10(3):78–92. Available at: https://scholar.harvard.edu/levitsky/files/SL_fujimori.pdf
20. *Ley № 24651*. Available at: http://cdn01.pucp.education/idehpucp/wp-content/uploads/2017/07/13163847/ley-n-24651.pdf
21. Saldarriaga V.P. La politica penal de emergencia: Funcion y Efectos. *Derecho & Sociedad*. 1990;2:26–30.
22. Caro Coria D.C. Superacion del pasado a traves del derecho penal? Notas sobre la reforma del Código Penal peruano a diez años de su vigencia. *Themis: Revista de Derecho*. 2002;44:197–214. Available at: http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/themis/article/view/10071
23. *Caso del Tribunal Constitucional Vs. Perú, Sentencia de 31 de enero de 2001*. Available at: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_71_esp.pdf
24. *Las leyes antiterroristas de Perú siguen sin estar a la altura de las normas internacionales de derechos humanos*. Available at: https://www.amnesty.org/download/Documents/184000/amr460051994es.pdf
25. Ugaz Sánchez-Moreno J. *Libertad, seguridad personal y debido proceso. En Autores varios, La Constitución de 1993: análisis y comentarios*. Lima: Konrad Adenauer Stiftung, 1996:703.
26. Vallejos A.S. La lucha antiterrorista en el Perú: agujeros negros legales, agujeros grises y el arduo camino constitucional. Lecciones peruanas para la guerra contra el terrorismo global. *Derecho PUCP*. 2015;75:75–94. Available at: http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/derechopucp/article/view/14424
27. *Prava cheloveka pri otpravlenii pravosudiya: posobie po pravam cheloveka dlya sudey, prokurorov i advokatov = Human rights in the administration of justice: a manual on human rights for judges, prosecutors and lawyers*. New-York; Zheneva: OON, 2003; 1086. (In Russ.)
28. *Merits J. Peru*. July 20, 2011. Available at: https://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/11769FondoEn.pdf
29. *Espinoza Gonzáles v. Peru*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/karim_espinoza_gonzales_v._peru.pdf
30. *Baldeón García v. Peru*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Baldeon_Garcia_v_Peru/Balde%2B%C2%A6n%20Garc%2B%C2%A1a%20v.%20Peru.pdf
31. *Loayza Tamayo v. Peru*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Loayza_Tamayo_v_Peru/Loayza%20Tamayo%20v.%20Peru.pdf
32. *Herrera Espinoza et al. v. Ecuador*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Herrera_Espinoza_v_Ecuador/herrera_espinoza_v._ecuador.pdf
33. *Tibi v. Ecuador*. Available at: https://iachr.lls.edu/sites/default/files/iachr/Cases/rouche_tibi_v._ecuador.pdf

Информация об авторах / Information about the authors

Владислав Георгиевич Романовский
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Vladislav G. Romanovskiy
Candidate of juridical sciences, associate professor of the sub-department of criminal law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: vlad93@sura.ru

Поступила в редакцию / Received 20.01.2021
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.01.2021
Принята к публикации / Accepted 02.02.2021